

Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций

Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252

Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations

136 E 67th Street
New York, NY 10065

Check against delivery

ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
на возобновленной сессии Шестого комитета
78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня «Преступления против человечности»
по третьему тематическому разделу

3 апреля 2024 года

Г-н Председатель,

Хотели бы поделиться размышлениями относительно третьего тематического раздела проекта статей Комиссии международного права о «преступлениях против человечности» (ППЧ).

Российская делегация считает целесообразным ограничить содержание **статьи 6** общим обязательством криминализации ППЧ в национальных законодательствах. Не видим добавленной стоимости в чрезмерной детализации этой статьи, которая лишь создает проблемы для национальных правоприменителей. Приведем примеры.

Формулировка пункта 3 об ответственности командиров представляется слишком размытой. Может быть проблематично

определить, когда командир «знал или имел основания знать» (knew or had reason to know), что подчиненные собирались совершить или совершили преступления против человечности, но при этом не принял необходимых и разумных мер для предотвращения таких деяний или для наказания исполнителей. Считаем, что речь должна идти только о фактическом знании. Также предложили бы более детально изучить стандарты ответственности командиров в национальных правовых системах.

Относительно пункта 4 исходим из того, что ссылка на выполнение приказа в качестве довода защиты может быть допустима за исключением случаев, когда соответствующее лицо совершило преступление по заведомо преступному приказу или распоряжению. При этом более глубокого анализа требуют ситуации, когда лица принуждаются к совершению преступлений, например под угрозой причинения вреда здоровью или смерти.

Применительно к статье 6 хотелось бы еще раз заострить внимание на том, что проект не должен и не может наносить ущерба нормам международного обычного права, касающимся иммунитетов

должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции.

В этой связи пункт 5 предлагаем дополнить ссылкой на иммунитет должностных лиц государств от иностранной уголовной юрисдикции.

Что касается пункта 8, то в законодательстве многих государств, включая Россию, отсутствует институт уголовной ответственности юридических лиц. Если юридические лица не наделены уголовной правосубъектностью, привлечь их к ответственности в таких правовых системах невозможно. Речь идет не о безнаказанности, а о том, что уголовную ответственность могут нести только физические лица.

Пункт 7 призывает к «соответствующим наказаниям» (appropriate penalties) за ППЧ, не уточняя, что под этим понимается. Отсутствует даже элементарная ссылка на национальное законодательство.

Не первый раз наблюдаем огромный разброс позиций делегаций в отношении **статьи 7** о юрисдикционных привязках, которая дает основания для установления параллельной юрисдикции, закладывает основу для юрисдикционных коллизий и правовой неразберихи в расследовании случаев ППЧ.

Прежде всего, статья 7 содержит три самостоятельных привязки. При этом вопрос о приоритетности привязок никак не регулируется. В

дополнение к этому из пункта 3 следует, что государство может устанавливать юрисдикцию по любому другому основанию, предусмотренному национальным законодательством. Все это может привести к юрисдикционным спорам, политизации и в конечном счете затруднить уголовное преследование лиц, виновных в ППЧ. Возможно, оптимальным решением было бы взять за основу юрисдикционную привязку по месту совершения преступления, как это предусмотрено в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. При этом важно отразить, что установление юрисдикции над преступлениями, совершенными за пределами территории государства, не должно приводить к нарушению суверенитета других государств.

Формулировка «быстрое, тщательное и беспристрастное расследование» (a prompt, thorough and impartial investigation) в отношении преступлений против человечности, содержащаяся в **статье 8**, может создать неверное впечатление, что для расследования таких преступлений должны применяться какие-то отдельные стандарты по скорости, тщательности и беспристрастности.

Расплывчаты формулировки о том, что представляют собой «разумные основания» (reasonable grounds), особенно когда речь идет о взятии предполагаемого преступника под стражу в контексте **статьи 9**. В российском законодательстве, как и в ряде других стран, такой стандарт не используется, а значит он не знаком правоприменителю. Например, в российском уголовно-процессуальном законодательстве используется другой термин – «достаточные доказательства».

Представляются спорными положения пункта 3 статьи 9 об обязательствах государства сообщать результаты расследования другому государству. Нельзя исключать ситуации, когда распространение информации может предоставлять угрозу для ведущегося следствия. Эта проблема не находит отражения в статье.

В статье 9 не указывается, как долго лицо, подозреваемое в совершении правонарушения, может содержаться под стражей до возбуждения уголовного дела, экстрадиции или выдачи. Это может привести к чрезмерно длительному задержанию без соблюдения надлежащих правовых процедур. Печально известная практика международных судов и трибуналов на этот счет имеется.

Несмотря на чрезмерную детализацию, в статье отсутствует требование к государству гарантировать соблюдение прав лица, подозреваемого в совершении правонарушения в ходе предварительного расследования.

Мы также не убеждены, что обычное присутствие лица, подозреваемого в совершении ППЧ, на территории третьего государства может быть основанием для осуществления юрисдикции этим государством. Считаем, что наличие реальной связи является неотъемлемым компонентом для осуществления юрисдикции таким государством.

Что касается используемой в **статье 10** формулы «суди или выдай», то считаем необходимым исключить в ней отсылку к «компетентному международному суду или трибуналу» (competent international criminal court or tribunal). Эти вопросы регулируются специальными соглашениями, а в некоторых случаях решениями СБ ООН, и, таким образом, выходят за рамки предмета регулирования проектов статей.

Стоит также рассмотреть вопрос о включении в проект статьи 10 дополнительных положений, касающихся принципа *non bis in idem*,

согласно которому отсутствует обязательство передавать дело для цели преследования, если предполагаемый правонарушитель уже был осужден или оправдан в связи с тем же самым правонарушением.

Благодарю Вас.